

Бахытжан**Канакьянов**

ДВА ПОРТРЕТА

ИНОХОДЕЦ СУДЬБЫ

Эссе

Берлину Иршиеву

Странно, дойдя до определенного возраста, начинаешь понимать и, – разумеется, не сразу, не вдруг, – осознаешь, согласно состоянию души, что сака твоего детства уже никогда не встанет на алшы и навсегда останется только в памяти, не раз возвращая тебя во сне в неповторимую страну детства, туда, где был первый мушель, откуда все мы родом, как говорил когда-то в своей бессмертной сказке французский летчик-писатель. Хотя ничего странного нет, просто ты вошел в тот самый период жизни, когда воспоминания о былом, и только они, приходят на смену мечтам юности и молодости, многие из которых так и не воплотились, а те, что отчасти сбылись, пополнили собой эти самые воспоминания, что теснятся в памяти, наплывают ненароком, невзначай в эти поздние часы земного бытия.

Действительно, все это и есть четвертое измерение нашей жизни и судьбы, где душа и память несут бессмертие духа. Память – неистребимая плазма, вбирающая в себя это самое измерение нашего мира и нашего сознания, она заполняет и зачастую переполняет безбрежное пространство души. И есть нечто большее, чем просто приобретенный опыт бытия. Это нечто большее – мудрость, суровая и лукавая, степенная и внешне безразличная ко всему окружающему, погруженная в невидимые уголки памяти, изредка извлекающая оттуда, из колодца времен, ночные образы воспоминаний.

* * *

На заходящий огненно-красный диск солнца, что на несколько мгновений застыл на краю бесконечной степи, а затем стал медленно опускаться за горизонт, мчался косяк лошадей, и вожак этого косяка, кожжорга – конь-иноходец вороной масти, от полноты степных чувств и прожитого на жайляу дня призывно заржал, встав на небольшом пригорке на дыбы. И на фоне закатного солнца, которое уже не так било в глаза, отчетливо проступил силуэт вороного, его ниспадающая грива и вздернутые почти над головой копыта. Это было одно лишь мгновение, но этого золотого мгновения хватило, чтобы навсегда остаться в памяти детства,

а детская память – цепкая вещь. И эти кони из его аульного детства спешили после звенящего зноя на водопой, поднимая снопы водяных брызг у безымянной запруды, и пили затем не эту воду, в которой плескались, а хрустальную, из родника, мелькающую быстрым ручейком среди высоких трав. А затем на фоне заходящего диска солнца силуэтами темнели вдаль, тянулись поникшими головами к вечереющей земле, а какой-нибудь жеребец-кунан от избытка чувства жизни опрокидывался на спину и со ржанием весело дрыгал копытами. И вновь поднявшись, мчался куда-то вдаль, в ту самую степную сторону, где исчезал за горизонтом огненно-красный шар уходящего солнца.

Вот так день, проведенный в ауле, сменялся незабываемым вечером, когда, сидя у костра, глядя на мелькающие языки пламени, слушаешь старших аулчан, и самый красноречивый из них начинает великий сказ казахского народа – эпос «Кыз Жибек».

* * *

Великая степь всегда была открыта казахскому эпосу, ибо сами громадные пространства земли и неба не только несли в себе эпичность веков, они, даруя языческие сюжеты и мотивы всему окружающему, а следовательно, безымянным сказителям гордого и непримиримого народа, эпически перемалывали в среде обитания эти сказания и эти сюжеты, порой переселяли с места их возникновения – то с севера на юг, то с запада на восток, и не только географически, но и в глубинах самой человеческой памяти, внутри самого этноса, обитавшего на бескрайних просторах земли Казахстана. Поэтому один из вариантов самого древнего эпоса – «Козы Корпеш – Баян Сулу» Александр Сергеевич Пушкин мог обнаружить в приуральских степях, то есть на западе Казахстана, хотя корни этого сказания на востоке, вблизи Аягуза. А один из вариантов эпоса «Кыз Жибек», родиной которого является местность рода Жагалбайлы, был обнаружен учителем Фалиоллой Тухватуллиным в районе озера Зайсан и затем издан в семидесятых годах XIX века в Казани.

Эпос «Кыз Жибек» создавался в эпоху Казахского ханства, и понимание любви в нем сугубо жизненное, оно продиктовано миропониманием творцов этого шедевра, для которых идеальной была любовь, ведущая к созданию счастливой патриархальной семьи. Этот эпос остается нетленным, нетронутым местопребыванием народного духа, пристанищем, где человек может отдохнуть от колотобродящей, сводящей с ума действительности, полной фантомов, унижительных и отвратительных ситуаций, куда его загоняют помимо его воли и желания условия, обстоятельства, законы – экономические, социально-правовые и прочие кабальные узы. Вникая в эпос, погружаясь в его чистые, светлые, освежающие воды, приобщаясь к жизни героев, сопереживая им, радуясь, огорчаясь, современный человек окунается в настоящую жизнь, уходя от кошмара какой-то балаганно-бутафорской театральщины, непонятной его уму, неприемлемой для души, вызывающей постоянное и устойчивое отторжение. В эпосе он чувствует себя свободным, вольным, мужественным, достойным называться человеком. В сегодняшних материальных реалиях этого чувства у людей уже нет.

Сколько сменилось формаций, сколько грозных событий пронеслось над казахской степью, но все эти беды, несчастья, катастрофы, катаклизмы, реформы и контрреформы, отступления и возвращения к былому – все это ни на йоту не за-

тронуло прекрасных, вечно живых образов той реальности, той действительности, в которой казах чувствует себя свободным, самостоятельным человеком, хранимым и поддерживаемым своими предками. Так соседствуют два мира: мир текущего времени, который древние греки называли «панта реи», и мир непреходящих ценностей, прекрасных образов, где человеческая личность, гордость, достоинство, власть добра и красоты непобедимы, не подвержены тлению и искаженному восприятию. Это священный храм, куда люди ходят охотнее, чем в мечети, ибо именно в храме искусства душа народа, его надежды, чаяния распускаются богаче, пышнее, прекраснее, чем все райские деревья и цветы в обетованном мусульманском эдеме. И вся красота казахского песенно-сказового искусства, подобно музыке сфер, завораживает, влечет в область фантастических мечтаний, где человек и человеческая жизнь не вызывают такой жалости, отвращения и гадливости, как это мы видим в условиях нынешнего материального существования.

Если бы мы почаще задумывались о носителях этой волшебной силы, обращали внимание на скромных творцов выдающихся произведений, на «хранителей древностей», то заметили бы неразрывную связь между художниками и их произведениями, связь, по силе своей энергетической мощи превосходящую накал вольтовой дуги. Заметили бы, что между автором и его детищем лежит мост огромного напряжения, питающий произведение мастерством, умением, талантом. А с другой стороны, к художнику от его творения идут токи, заряды, новое эстетическое видение, новое философско-этическое осмысление мира. И это двустороннее наполнение, испытываемое творцом и творением, составляет единое целое. Эпос не может быть оторван от его создателя – народа... Об этом он недавно прочел в книге знатока казахского фольклора Берика Джилкибаева.

Эти круги познания народной сокровищницы наплывали в его память из года в год и оседали навсегда в его душе кочевника с авиабилетом. А тогда, начиная с раннего детства, и затем в отроческие годы, и во время юности и молодости, он не раз возвращался к этим картинам эпоса. Образы Тулегена и Жибек, прощание Тулегена с матерью, погоня Тулегена за кочевьем Жибек, описание красавиц и самой девушки-шелк, его возлюбленной, ночь любви Тулегена и Жибек, Тулеген и Сансызбай, прощание Тулегена с гусями, плач Кыз Жибек и, разумеется, описание коней рода Жагалбайлы, скачка Кокжорги – коня Тулегена... Одним словом, Жагалбайлы аттарың көптігінен баға алмайды – табунов Жагалбайлы не сосчитают и орлы!

* * *

Он сидел поздним вечером у камина, как всегда, любясь своей коллекцией, что расположилась на верхней полке над камином и по бокам от него. Сотворенные из металла и мрамора, из лабрадора и оникса, из бронзы и меди, из сплава темного стекла и горного хрусталя, из разных пород березы, камфорного и орехового дерева, приобретенные им у антикваров различных стран, фигуры коней, застывшие в разных позах – от спокойного шага до экспрессивной дыбы, – отбрасывали тени в всполохах огня, и эти тени коней, как когда-то в далеком детстве, оживали от мелькающего пламени причудливыми силуэтами на полстены его кабинета. И вслед за собой влекли из памяти бессмертные песни Ахмета Байтурсынова и Акан-сери – «Екі жирен» и «Маңмаңгер», которые давно уже стали народными, однажды и на всю жизнь.

И все же не было среди коней его коллекции кокжорги – иноходца вороной масти. Да и трудно, пожалуй, определить масти фигурок его коней. Вот этот слегка напоминает тай – годовалого стригунка, а этот словно кунан – жеребенок-двухлетка. А вот этот, если смотреть чуть сбоку, действительно жорга – иноходец: почти такая же поступь и выраженное неистребимое желание идти не в ногу со всеми остальными – не быть усредненным в массе табуна, а отличаться от других, и этим быть неповторимым в своей земной жизни.

Во всех современных книгах-фолиантах, посвященных жизнеобитанию лошадей, даны, к сожалению, характеристики и оценки только с позиции европейца. А там, на земле Казахстана, только для внешних примет лошади насчитывается около ста наименований, около двухсот слов – определений лошади и почти четыреста слов-сравнений. Один только аллюр определяется тридцатью словами. И даже конский деликатес – казы имеет свыше двадцати наименований. Почти сто пятьдесят кюев и песен посвящено коню, и четыре танца. А если к ним добавить слова-наименования, связанные с лошадиной сбруей и прочим снаряжением, то получится свыше тысячи...

Это все он узнал из книги Герольда Бельгера «Записки старого толмача». Там же встретил описание коня, данное Абаем:

С копытом круглым, ровным, как такыр,
 С коленями, раздвинутыми вширь.
 С ногой высокой, чей притоп упруг,
 С лопатками просторными – как мир.
 В суставах гибок, в голени широк,
 Игривый в беге, словно ветерок.
 Его я жажду к юрте привязать,
 Чтоб он косил глазами, одинок.
 Он так рысит, что малахай торчком,
 Как будто сам ты взвился соловьем.
 Быстрее сайгака этот редкий конь,
 Изнемогаю, думая о нем!..

Перевод А. Кадара

Конечно, в мировой литературе много аналогичных образов, связанных с темой коня, лошади. «Все мы немного лошади!» – говорил поэт Маяковский. У поэта-фронтовика Бориса Слуцкого есть печальная баллада, как тонули лошади в океане, после того как корабль, их перевозивший, подорвался на mine, и лошади, образовав рыжий остров из своих тел, так и плыли островом и тонули поодиночке, не достигнув далекого берега. Он запомнил несколько строк из этого стихотворения:

Плыл по океану рыжий остров,
 В море синем остров плыл гнедой.
 Кони шли на дно, и ржали, ржали,
 Все на дно куда не пошли.
 Вот и все. А все-таки мне жаль их –
 Рыжих, не увидевших земли.

И у многих народов образ коня-лошади соотносится с образом женщины-возлюбленной. Казахи говорят о женской красоте: «Она красива как лошадь!» В том же эпосе «Кыз Жибек» красота возлюбленной Тулегена сравнивается с крылатой кобылицей:

В шелках узорных стан ее
 Стройней, чем тонкое копьё,
 Как у крылатой кобылицы,
 Осанка гордая ее.

..Есть незабываемые строки эпоса, когда описывается сама ночь любви Кыз Жибек и Тулегена:

Жырши, акын и сочинитель,
 искуснейший в степи сказитель –
 Никто не смог бы описать
 Их ночи первую обитель.
 На самом сокровенном месте
 О женихе и о невесте
 Сказанье наше не прервется –
 Так испокон веков ведется.
 По цели грудью сокол бьет
 И уточку в полон берет.
 Вонзивши когти в шею лани,
 Орел крылом не поведет.
 Наш Тулеген, наш ер-жигит
 Весь в пламени любви горит.
 Девичий расколов орех,
 Он сном возлюбленного спит.
 Тут не охотник ли сайгу
 На полном подстрелил скаку
 И так разделявал добычу,
 Что пятна крови на снегу?..
 Случилось то, что быть должно,
 Что в юности нам суждено
 Впервые в жизни испытать
 И что не надо объяснять.

Перевод автора

* * *

Он родился семьдесят пять лет тому назад, 9 мая 1945 года. Всенародное ликование Великой Победы несло на своих крыльях и радость его отца Кенжетая, когда он в порыве гордости за свою страну и свой народ, победивший фашизм, назвал сына Берлином. Эта традиция: детей победителей называть именами и названиями местности побежденных – уходила в далекую древность... А его дядя, брат отца, Баймурза, похоронен был в братской могиле, в Старой Руссе, что под Великим Новгородом.

И там, в степях между Оренбургом и Кустанаем, иноходец судьбы из былых табунов Жагалбайлы вновь и вновь мчал в сторону востока на поднимающийся диск нового солнца, и вновь взлетал на дыбы и своим радостным ржанием возвещал о рождении человека... Он однажды, сквозь многие годы, вспомнил об этом, вспомнил интуитивно, словно перебирая времен связующую, но невидимую нить. Именно тогда он оказался по делам командировки в городе своего имени и стал невольным свидетелем, как разрушалась Берлинская стена – стена былого отчуждения между народами, и как ликовали люди с той и другой стороны, обнимали друг друга, плакали и оплакивали свои прошлые годы. Была воистину эйфория человеческого духа и людского братства... И все же легче всего разрушить реальную стену внешнего отчуждения, но во сто крат трудней и тяжелей развеять незримые стены внутри человеческой души, когда предрассудки былого выставляют более неприступные препоны, чем эти каменно-бетонные стены внутри города его имени.

Так совпало по тому незабываемому времени, что он стал одним из романтиков суверенитета нового государства. По линии внешнеэкономической деятельности он часто, в месяц по несколько раз, стал бывать за бывшим железным занавесом – в заграничных командировках. В Германии, Франции, Австрии, Великобритании. Так часто, что со временем у сослуживцев появился почти анекдот-каламбур:

«Начальство спрашивает у подчиненных:

– А где Берлин?

– В Германии.

– Я знаю, что это столица объединенной Германии. Я спрашиваю – где Берлин Иришев?

– В Германии, в командировке...»

Измумительное было время. Воистину, романтика нового государства со своей древнейшей и всегда молодой историей. Тогда многие решения, связанные с экономическими реформами, приходилось принимать почти что на ходу – во время бесконечных заграничных командировок, в поздние часы в отелях и гостиницах, даже в салонах самолетов. И тогда не было ни айпадов, ни сотовых телефонов, но было огромное желание помочь народу и быть нужным стране.

* * *

В канун четвертого мушеля, на заре независимости, иноходец его судьбы вновь известил о былых табунах Жагалбайлы. И не где-нибудь в Атырау, где зарождался этот лиро-эпический эпос о Тулегене и Кыз Жибек, а в местности под Парижем и затем на высоте восемь тысяч метров в салоне грузового самолета АН-22.

В тот период он был в первом кругу первого президента суверенного Казахстана. До сих пор он гордится тем, что свыше десяти раз сопровождал и готовил визиты первого лица государства. А тот самый случай произошел здесь, во Франции, вблизи Парижа, где он сейчас и находится, сидя у камина и разглядывая причудливые тени коней-статуэток его коллекции. Республика в тот период не имела резервной валюты и многие глобальные вопросы нового государства вынуждена была решать только через Москву. А это уже другое государство, хотя все мы вышли из одной советской империи. «Алем Банк» – его детище, созданное на базе Внешнеэкономического банка Казахстана, – по поручению Президента в приоритетном порядке стал вводить невиданную ранее в Казахстане систему

пластиковых электронных карточек и нуждался в скорейшей покупке мощного процессора, который до развала Страны Советов находился в списке КоКома и до последнего времени был под запретом для продажи в СССР.

Для проведения переговоров с поставщиком он буквально на пару дней прибыл в Париж через Москву, ибо прямых рейсов в Европу из Казахстана не было. Это сейчас лети не хочу, из Алматы и Астаны и во Францию, и в Китай, и в Японию, и в Америку. А тогда все только начиналось по инерции советского образа жизни. Через Москву – и все!

По приезду в Париж он связался с временным поверенным в делах Казахстана во Франции, милейшим Кадыром Кабдешевым. Кадыр долгие годы преподавал французский язык в институте иностранных языков в Алматы и по зову партии и правительства, – нет, по зову только правительства и только Президента, ибо с партией все было ясно, да и не было уже ни партии, ни шестой статьи в Конституции молодого государства, – специалист французского языка и литературы занимал одну небольшую комнату в здании посольства бывшего СССР.

При встрече временный поверенный взмолился о помощи и высказал неожиданную просьбу.

Оказалось, под Парижем застряла спортивная делегация нашего государства по линии ДОСААФ¹. Ребята, принимавшие участие в юношеских военных играх, на конях воссоздавали фрагменты наполеоновской битвы. А кони откуда? Разумеется, из Казахстана, откуда родом и знаменитый Абсент, на котором Петушкова стала олимпийской чемпионкой. Военно-спортивные игры закончились, а наша делегация осталась прикованной к взлетной полосе, поскольку не смогла рассчитаться за гостиницу, питание, стоянку двух самолетов. Проще было отмахнуться, мол, сами приехали, сами и решайте свои вопросы. Но Кадыр Кабдешев взмолился, особо наседая, что на нас, потомков конно-кочевой цивилизации, смотрит весь давно уже оседлый мир. И мы должны, обязаны решить эти вопросы! И как можно скорее, ибо набегает затраты и всевозможные проценты... И тут, он это отчетливо вспомнил, и помнит всегда, все эти годы, откуда-то издали, из-под французских небес, послышался отдаленный зов. Такое с ним не раз было в далеком аульном детстве, когда оторвавшийся от косяка иноходец, вскочив на пригорок, задирает голову и звал своим всепоглощающим ржанием, разлетающимся на шақыру – расстояние слышимости голоса в казахской степи.

Он обреченно махнул рукой в досаде и поехал разбираться с руководителем спортивной делегации, который оказался афганцем-подполковником, сотрудником казахстанского отделения ДОСААФ.

После выяснения ситуации понял, что речь идет о большой непродуманной аванюре. Жертвами этой авантюры стали около сорока подростков из Подмоскovie, которых собрал подполковник, чтобы сэкономить на перелете из Алма-Аты в Москву, и спецсамолет ТУ-154. И это еще не все. Вместе с этим самолетом с детьми в буквальном смысле прикован был к взлетной полосе военно-транспортный самолет АН-22 – «Антей». На нем привезли скаковых лошадей с Алма-Атинского ипподрома с двумя девушками-ветеринарами... Теперь за стоянку самолетов, питание, гостиницу набегали проценты. Одним словом, голова кругом вблизи

¹ Эта аббревиатура еще с советских времен раскладывается так: добровольное общество содействия армии, авиации, флоту, а бывшая когда-то мощной организация имела свои филиалы во всех уголках на бескрайних просторах Советского Союза.

Парижа, который, как праздник, всегда с тобой, но не всегда, увы, праздник. На подполковника было жалко смотреть.

– На что рассчитывал?! – вникнув, но не понимая, как такое могло произойти, только и спросил он у офицера-афганца. – Это же тебе не Афган...

Из сбивчивого рассказа подполковника он понял, что объединенная конно-спортивная команда России и Казахстана рассчитывала, что займет первое место, и тогда все расходы оплатят за счет премиальной суммы – за участие и возможную победу. Резервный вариант, считал подполковник, – продать несколько племенных жеребцов во Франции и так покрыть расходы.

Однако оба варианта отпали. Ребята заняли только второе место, причем премиальная сумма подлежала перечислению дней через десять. А французам стало известно о желании подполковника продать лошадей, и конюшни были заблокированы французским обществом защиты животных, где почему-то были уверены, что этих лошадей отправят не на ипподром, а на скотобойню...

Времени размышлять не было. Поняв катастрофичность ситуации, он принял решение оплатить общий долг в сорок восемь тысяч долларов. Благо, буквально накануне получил новую золотую карточку банка ССF, выписанную на «Аlem Bank». В местном офисе переговоров с банком, и после подтверждения оплаты была дана команда на подготовку к полету двух самолетов. Первым вылетел сразу же пассажирский – с детьми.

Подготовка самолета с лошадьми требовала времени. Конюшни тоже готовили счета-фактуры за услуги. А ему вечерним пассажирским рейсом надо было возвращаться через Москву в Алма-Ату. Подполковник взмолился: не покидайте нас, пока неотрегулируем все долги! А тут еще командир экипажа предложил лететь с ними, вместе со скакунами, на военно-транспортном самолете. Полет будет напрямую в Алма-Ату, с небольшой дозаправкой в Подмоскowie, на военном аэродроме. Командир экипажа даже уступил свою спальную полку, прикрепленную к кабине самолета позади кресел экипажа под потолком, видимо, в качестве бонуса за скорое разрешение финансовых проблем. А в салоне транспортника и грузовой отсек полетят восемь отборных породистых лошадей.

– Наверное, и сено с альпийских лугов, и отборный овес, – пошутил он, глядя на вопросительные взоры военных.

– И две девушки-ветеринарки будут в салоне спать в стоге сена, – впервые он увидел, как шутит подполковник.

Наконец, уладив все формальности, привезли восьмерку скакунов. Их сопровождали представительницы французского общества охраны животных. У каждого из скакунов был свой нор и своя статья. Что называется, сегіз қырлы, бір сырлы – восемь сторон одного достоинства. И вновь протяжно и гордо заржал иноходец, заходя в салон самолета, словно приглашая его разделить этот необычный полет из Парижа в Алма-Ату, разделить с ним, с иноходцем, этот праздник жизни с небесными Тулпарами и Пегасами.

Предложенная командиром экипажа полка была узковата, но делать нечего, кое-как он улегся и, глядя на проплывающие облака за окном командирской кабины, незаметно уснул под мерный гул моторов. Видимо, сказала вся эта свистопляска с банковской операцией на скорую руку, и все смешалось в салоне транспортника – кони, люди, и он среди них, руководитель крупнейшего банка, на узкой командирской полке.

Так, не раз просыпаясь и вновь засыпая, погружаясь в дрему, он видел сказочный, неповторимый сон, как он взлетает на иноходце все выше и выше, к облакам... И двигатели самолета создавали приятный звуковой эффект небесной скачки и мощной тяги.

Пусть ветер в этой стороне –
Копье не дрогнет в пятерне.
Месяцегогий ли баран
У волка блеет на спине?
Хотя и упряжь нелегка,
Конь-иноходец Кокжорга
Стрелой взвился, ибо он
Самим Тулпаром был рожден.
И мчится конь, глаза горят.
Узда с надгрудником звенят.
За поворотом поворот,
Течет обильно жаркий пот.
Гудит протяжно и гремит
Земля под тяжестью копыт.
Конь-иноходец вдаль летит,
И острие копыа блестит.
Сверкают искры там и тут
Из-под серебряных копыт.

Перевод автора

Он тогда и подумать не мог, что спустя пять лет эти же крылья Тулпара, Пегаса, Иноходца вернут его в Париж, но уже надолго. В память об этих красивых сказочных конях, которые летели сейчас вместе с ним в облаках, в память об этом полете он спустя годы и стал коллекционировать бронзовые и прочие фигурки лошадей. Искал их у антикваров. Каждый раз, когда приносил очередную фигурку или бюст лошади, дома смотрели на него с неким подозрением и опаской. Все ли в порядке у банкира и главы семейства?! И всегда на их немой вопрос, что застывал в глазах, он имел готовый ответ: «Жағалбайлы жылқысын көптігінен баға алмайды!»

Но это было потом, спустя годы. А сейчас все они находились на высоте восемь тысяч метров. Вдруг его разбудил второй пилот.

– Банкир, овсяную кашу будешь? У нас больше ничего нет....

Уже летели над Россией. И его сон рассеялся, и наступило разочарование по поводу прерванного во сне полета. Он отказался от этой почти конской еды и предался мечтам-воспоминаниям, лежа на жесткой полке.

Когда-то в далекой юности точно такая же полка-скамейка была на железнодорожном вокзале. На ней он и разместился после приезда в Алма-Ату. Поезд прибыл поздней ночью, он и остался ночевать на вокзале, чтобы утром отнести документы в институт. А ранним утром его поразили величественные снежные вершины Заилийского Алатау. Казалось, горы поднимаются сразу за соседними домами, а проспект, который берет начало от вокзальной площади, упирается в них другим концом. Ему и невдомек было, что до гор еще идти и идти, ехать

и ехать, через весь город, лежащий у подножья белоснежных гигантов. Это все, как цель жизни в юности, зримо и осязаемо – вершины впереди! Так он стал студентом столичного вуза, а затем аспирантом, преподавателем, защитил кандидатскую и докторскую диссертации... За сухими строками его биографии раскрывалась прекрасная жизнь, со всеми ее радостями и печалью. Прошедшие годы полны дерзания духа, полны веселого и титанического труда во имя благородной цели – быть прекрасным специалистом. Но это все в юности и молодости, когда мы жили на этой же земле, но в другой стране. Именно она, та страна, была страной нашего детства, нашей юности, нашей молодости. Так что все мы родом из страны, которой нет... Но память о ней жива, и неистребима она на всю оставшуюся жизнь.

Кажется, Шарль де Голь однажды сказал: объединение труда и капитала. Отчасти и в этом кроется формула существования новых суверенных государств. Рынок сделал свое дело: казахстанское общество поднялось на такой уровень отношений, когда, по выражению Бальзака, ценность человека определяется его платежеспособностью. Жаль, что за этим барьером могут остаться личности, ценность которых для нации не поддается денежной оценке.

* * *

В Подмоскowie, на военный аэродром самолет прибыл в четыре утра и должен был стоять без права открывать люки и двери до восьми утра, когда подойдет военный таможенник. В самолете стало душно. Пахло бензином-керосином, сеном с альпийских лугов, овсом-овсянкой и... конской мочой. Он почувствовал, что и ему надо сходить туда, куда ходят без свиты и сопровождения. На вопрос командиру, а где здесь туалет, тот любезно повел его в салон самолета, точнее, в грузовой отсек, где находились скакуны и девушки-ветеринарки. Они возлежали на стоге сена. А он вновь почувствовал, как отлежал лопатки на жесткой командирской полке.

– Так, дамы, а где зеленое ведро? Банкир облегчиться желает.

Одна девушка, смущенно улыбаясь, отыскала ведро и подала командиру, а сама ушла в хвост салона.

– Вы серьезно? Где это видано, чтобы в самолете да и в ведро? – возмутился он, обращаясь к командиру.

– Ну, давай без ведра, – флегматично ответил командир экипажа. – Видишь, лошади тоже ведра не просят.

И в подтверждение этих слов один жеребец тут же с шумом облегчился, смущенно опустив глаза. Не зря в степи говорят: жылкы мінез, имея в виду благородство лошади. Деваться было некуда, и он с ведром спрятался за хвостами и крупами коней. Да... видели бы сотрудники его банка и вышестоящее начальство, чем он сейчас занят после очередной зарубежной командировки. Стоит с ведром среди коней, а в кармане золотая карточка его банка. О времена, что наступили на небесах и на земле, и в отсеке этого «Антея»!

После восьми утра военная таможня разрешила открыть люк и двери. Было время сплошного бартера, да еще с довеском, и чтобы решить вопрос с заправкой, несмотря на то что документы по военной линии были в полном порядке, требовалось «добавить» к этим документам ящик водки. Скинулись вскладчину. Командир и экипаж с подполковником благородно отказались брать его в долгу.

«Буду я еще на водку использовать золотую карточку банка», – пробурчал он и все же оценил благородство военных.

Он упросил девушек, чтобы хотя бы на полчаса вывели коней из грузового отсека. И пока ездили за горючим и горячительным, кони, выйдя из салона, с достоинством щипали травку подмосковного аэродрома, находясь рядом со своей летающей конюшней, как благородные представители конно-кочевой цивилизации. Он вдохнул полной грудью свежий воздух подмосковного утра и вдруг случайно поймал чей-то взгляд. На него глядел иноходец вороной масти, глядел с печалью из-под острых своих ресниц, которые чуть прикрывали глаза, полные былых воспоминаний, и потому эти глаза были влажными. И в какое-то мгновение он увидел себя в отражаемых глубинах этих глаз. И мальчиком в ауле, и юношей в Алма-Ате, и нынешним, стоящим у кромки взлетной полосы.

* * *

Огонь в камине догорал. Горсточка углей все еще пылала жаром и красными глазенками выглядывала из-под золы. Он вновь вспомнил этого иноходца вороной масти. Даже есть его фотография, которую он снял на память в тот незабываемый полет. Он порывлся среди старых фотоальбомов и, наконец, нашел этот снимок. На полснимка глаза иноходца, глядящие из-под ресниц, волной спадающая грива и небольшая челка между ушей...

Хорошо вот так, сидя поздним вечером и ночью у камина, средь табуна своей коллекции, размышлять и даже беседовать с ними на разные темы. Ведь спины коней из века в век несли на себе седла казахского ханства, султанов-чингизидов и просто кочевников. Из века в век по всем просторам земли Казахстана. Иногда заносило их, как говорится, и к последнему морю. Но всегда возвращались к своим истокам, к своим городам и аулам, на родину предков... 550 лет Казахского ханства – это великая дата. Сколько известных и неизвестных героев, батыров-кочевников отдали свои силы и жизни, чтобы опять же из века в век это ханство-государство состоялось.

А в этом веке оно, государство, возродилось – благодаря Елбасы. Возродилось благодаря именно многовекторности внешней и внутренней политики, равномерному развитию на пути перехода к рыночным отношениям. Именно единство в разнообразии должно быть, а не замыкание в своих просторах. Да и невозможно замыкаться в современных условиях противоречивого мира.

Он вновь вспомнил первые годы суверенного государства Казахстан. В то время не было ни айпадов, ни персональных компьютеров, даже сотовые телефоны были большой редкостью. И несмотря на это, задолго до переговоров первых лиц государств в той или иной стране аппарат готовил все необходимые документы для подписания. Готовил до последней точки, до последней запятой, чтобы все предусмотреть на предстоящих переговорах в пользу молодой республики. И приходилось брать с собой не только переводчиков, но даже стенографистов-машинисток с навыками печати на французском, английском и немецком языках. «И другие официальные лица!» – вот так можно назвать этих людей, сотрудников аппарата администрации Президента и канцелярии премьер-министра.

Одним из таких людей был его друг и товарищ с почти французским именем – Сержан. Он с ним познакомился и подружился в те самые годы, когда вместе с другими политиками, экономистами и финансистами осуществляли постепен-

ный переход к рынку, входили в различные межгосударственные комиссии по вопросам рыночных отношений и внешнеэкономической деятельности. Сержан еще с советских времен работал в системе Министерства внешней торговли и внешнеэкономических связей СССР, был уполномоченным этого министерства по Казахстану. Затем был приглашен на должность заведующего отделом внешних экономических связей и протокола аппарата Президента и канцелярии премьер-министра РК, был министром по инвестициям, и надо особо отметить, что в этот период долгосрочные инвестиции были большим подспорьем в экономике Казахстана.

Они вместе с Сержаном всегда были в команде Елбасы и зачастую сообща готовили рыночно-финансовые документы для переговоров. Сержан писал стихи и обладал тонким юмором дипломата. Любимым его поэтом был Жак Превьер, он любил стихотворение «Как нарисовать птицу».

Однажды в Париже, именно в те транзитные годы, после успешных переговоров он застал Сержана в гостиничном номере, где он, вместе с сотрудниками МИДа и посольства, упаковывал папку за папкой необходимые бумаги и материалы к предстоящему отлету в Алма-Ату. На журнальном столике возвышались две бутылки виски.

– Саке! – шутливо спросил он. – Это что? На дорожку – жол аяк?

– Да послал одного молодого сотрудника за скотчем, чтобы перемотать папки. Сказал, чтобы не один, а два скотча купил, ибо материалов много. Час его нет, два часа нет... Наконец приходит, навеселе... Правда, скотч принес, а в каждой руке еще по другому «скотчу». «Вот, агай, – говорит, – как вы и просили». – Затем по-отечески добавил: – Первый раз не только в Париже, но вообще за рубежом. Перепутал киоск с баром. А может быть, хотел все предусмотреть. Отпустил его отсыпаться, чтобы был в норме перед вылетом. А сам вот – скотчую, – скаламбурил, перематывая очередную папку с бумагами.

«Аппарат вечен!» – любил повторять Сержан, и в этом было чувство гордости за честно проделанную работу во имя внешнеэкономической политики государства. Гордость тяглового лошади и гордость иноходца.

Сержан – потомок Султанбета-султана, который, по выражению Чокана Валиханова, «всегда был доброжелателен к России». Султанбет-султан, вызволяя своего брата, хана Абылая, из плена в Китае, добровольно ушел туда аманатом, чтобы хан Абылай вернулся в Казахскую степь. И в год юбилея Казахского ханства невозможно не вспомнить Сержана – достойного сына, патриота и гражданина Республики Казахстан.

* * *

За окнами над каштанами брезжили предрассветные сумерки. А тогда, после всех проволочек на подмосковном аэродроме, вылетели довольно поздно, ближе к вечеру. И часа через два летели уже над суверенными просторами Казахстана. Экипаж успел купить для всех и своеобразный сухой паек, который включал в себя булочки, кефир, колбаски и, разумеется, русский национальный напиток. И они с подполковником и с девушками-ветеринарами отметили переход государственной границы. Больше всех радовался подполковник-афганец: по его лицу было видно облегчение, что ему и всем, включая лошадей, уже ничего не угрожает.

Он вглядывался в ночное небо, что расстилалось над его Родиной. Кое-где внизу гроздьями огней рассыпались небольшие поселки и бывшие промышленные города и районы – Жетыгара, Рудный, Кустанай. Где-то здесь, между землями Оренбурга, Орска, Актюбе, в неизвестном теперь ландшафте новых переименований есть и место великого Упокоя – родовое кладбище его предков, а некоторые из них еще в эпоху Казахского ханства нашли место своего покоя на землях древнего Атырау. Человек всегда должен, хотя бы раз в десять в пять лет, навещать свою малую родину, даже если ничего не осталось от бывшего аула... Да и нет уже того аула, что был в нашем понимании... И родные и близкие, отец и мать завещали предать их земле именно на родине предков, где такой простор и небесный свод, что, кажется, звезды лежат в траве. И что-то эпическое в этом есть. И музыкальная сфера родной Казахской степи, – разумеется, и горных вершин, ибо Казахская степь – понятие чисто условное, – и эта музыкальная сфера ночного неба и звезд сродни органу, хоралу – от цокота копыт былых аргамаков до верхней струны домбры. И велик народ, живущий на этой древней и молодой земле, и достоин лучшей участи, если такие песни, как «Елімәй», «Екі жирен», «Қараторғай» в силу своей гениальности сопровождают его из века в век, из глубин тысячелетия, вынося на ландшафт монитора новые векторы дерзания духа.

Многие из современников глубокой ночью, когда все домашние спят, погружаются в систему «Google Планета» и мышкой приближают к глазам кадр за кадром место своего рождения и ландшафт за ландшафтом опускаются с космических небес к вечному Упокою своих родителей и своих предков – известных и неизвестных. И холмики могил, и полуразрушенные мазары из кирпича и самана невольно рождают скупую мужскую слезу, оплакивающую тех, кого уже нет в нашей земной жизни. И где бы ни находился человек современного мира, а он может вольно и невольно жить и странствовать в разных местах земного пространства, иметь свою семью и свое дело в любой стране мира, но кровными узами он всегда связан с родителями, которые вырастили его и воспитали достойным гражданином Земли.

И если кто-то из родителей, отец или мать, завершил свой земной путь, по возрасту или по болезни, то сын обязан приехать на день-другой, чтобы отдать последний долг самому близкому человеку.

И здесь не должно быть никаких преград по великому нравственному счету. Даже во времена Казахского ханства у враждующих родов и племен наступало временное перемирие, когда хоронили кого-либо из близких по роду и племени. Вспомните великую эпопею гения казахской словесности Мухтара Ауэзова! Вспомните смерть Божея и поминки по нему, которые совершил Абай – сын Кунанбая, виновника смерти Божея.

* * *

Тенгрианское небо слегка светлело. Тьма ночная осталась позади. Он не раз летал именно ночными рейсами. И рассвет заставлял его не где-то на земле, а на высоте полета. И всегда поражался, когда отступала небесная ночная мгла перед проблесками раннего утра откуда-то с востока. Это потом он прочел у летчика и писателя Антуана де Сент-Экзюпери, как летчик, находясь в ночном полете, впервые видит это божественное состояние.

«Величайшее событие – переход от тьмы к свету – летчик наблюдает в непосредственной близости. Он захватывает день в его зарождении. Ему известно, что восток белеет задолго до того, как взойдет солнце, но только в полете он присутствует при извержении света. Пусть он тысячу раз встречал зарю: он знал только то, что небо светлеет, но он не знал, что свет бьет, как из родника, и заливают небо, он не видел, как вырывается эта артезианская струя света. День, ночь, горы, море, буря... Среди этих стихийных божеств, ведомый простейшей моралью, летчик обретает мудрость пахаря».

Воистину стихотворение в прозе!

* * *

А их самолет подлетал к Алма-Ате. И встречали этот рассвет в небе вместе с ним восемь лошадей, и среди них иноходец его судьбы, который всегда стремится выйти из усредненного шага табуна, всегда стремится идти вне строя.

Так они вернулись домой, а лошади – на Алма-атинский ипподром. На прощание он похлопал и почти обнял того из восьмерых скакунов, который с печалью смотрел на него у кромки военного аэродрома.

Через месяц ДОСААФ вернул долг банку и сообщил о своем решении – подарить ему на выбор одного из жеребцов. Он отказался от этого дара. Ему было достаточно, что все это осталось в его памяти на всю жизнь, ибо у каждого человека в мыслях, в помыслах должен быть образ иноходца его собственной судьбы.

А через год, в аккурат на девятое мая, родился его первый внук. Жизнь имеет свои случайные закономерности, и этим она прекрасна и удивительна!

Чтобы разнообразить интерьер квартиры, превращенной в коллекционную «конюшню», он сподвигнул свою дочку Алину на собирание фигур кошек в компанию ее красивого кота по имени Тиша. Правда, дочь однажды серьезно его упрекнула: «Вот ты любишь лошадей, а я кошек. А знаешь, в чем разница между нами? Ты их так любишь, что с аппетитом съедаешь деликатесы из конины, как и некоторые французы, а я кошек не ем». Детская истина – великая вещь! Он с тех пор перешел на морские продукты, благо их предостаточно. И вступил в общество охраны животных. Иногда ему снится тот иноходец и ландшафт его родной местности. Кому из рода Жагалбайлы выпадала такая честь?! Пригнать на родину из Парижа через Москву косяк скакунов!

Быть может, так и рождается эпос и фольклор двадцать первого века, как в далеком детстве, когда он слушал сказителя «Кыз Жибек», находясь у костра в родном ауле.

ВЫНУЖДЕННАЯ ПОСАДКА В АКТЮБИНСКЕ

(фрагмент повести)

I

«В чем смысл и красота жизни? Ответив на эти глубокие философские вопросы и сохранив в памяти ответы на них, каждый, без сомнения, проживет достойную жизнь, если будет добросовестно работать, ответственно относиться к порученному делу, отдавать отчет своим словам и не бросать их на ветер. Он должен превратить все это в ежедневную привычку. Я уверен, что

любой из моих ровесников думает и будет говорить именно так...» Это мысли мудреца Укетай-аксакала из предисловия к его роману-эссе «Мои жизненные переправы».

Близко познакомился я с удивительным человеком, общественным деятелем и ученым-экономистом Укетаем Серикбаевичем Байжомартовым во время подготовки к изданию его книги «История пуговиц с двуглавыми орлами». Интересен сюжет данного произведения – о судьбах казахских людей на самом Дальнем Востоке Страны Советов в послевоенные годы. Сама интрига повествования увлекла меня как издателя.

Постепенно это знакомство, несмотря на большую разницу лет, переросло в творческую дружбу. В его частые приезды в Алматы он бывал у меня желанным гостем, или я посещал его в санатории или доме отдыха, ибо интересно и во многом поучительно было общаться с этим человеком, человеком большой судьбы и богатой на события биографии.

А каким он был занимательным рассказчиком! Знал и излагал по памяти многие легенды и предания Семиречья и Актюбе. И эти его незабываемые рассказы о былой истории родного края зачастую перемежались воспоминаниями о прожитой, интересной на события его личной жизни. И при воспоминании того или иного факта своей комсомольской, партийной, советской и научной биографии его лицо, мудреца и ученого, светилось обезоруживающей улыбкой. Словно сам себя спрашивал: «Неужели это было со мной, неужели это было в моей жизни?!»

Я зачарованно слушал аксакала. И в тон его словам и мыслям говорил:

– Да, были времена! И все это было в той самой Стране Советов, которой ныне нет...

– Но она осталась навсегда в памяти моего поколения, ибо это страна нашего детства, нашей юности и молодости, нашего становления по жизни и судьбе, – не только с грустью и печалью отвечал аксакал, но и с неповторимой гордостью, которая отличает людей двадцатого столетия от людей нынешнего века.

И Укетай-аксакал, вновь что-то вспомнив из своей неповторимой жизни, счастливо улыбался, видя во мне внимательного слушателя и собеседника.

Легенды и притчи, рассказанные аксакалом, в той или иной степени присутствуют в его произведениях, зримо вплетаются в ткань повествования. А вот об одном случае, об одном сюжете его богатой на события жизни я бы хотел поведать читателям журнала «Простор».

Дело было где-то в конце 70-х – начале 80-х годов прошлого столетия. Укетай Серикбаевич Байжомартов занимал в то время высокий пост, был председателем народного контроля всей Актюбинской области. И, разумеется, был членом бюро обкома партии.

Однажды его вызвали в этот самый областной комитет Коммунистической партии Казахстана. А он только приехал из Кисловодска, где был в санатории, да и отпуск еще не кончился, оставалось несколько дней, которые Уке хотел провести где-нибудь в ауле, в кругу друзей и родственников. Но не тут-то было! Вызывают срочно к первому секретарю, где уже собрались все члены бюро обкома.

«К чему бы это?!» – размышлял Уке, подъезжая к массивному зданию обкома.

Полыхая свежим кавказским загаром на лице, Уке здоровался со всем коллегами по партийной и советской деятельности, начиная с первого секретаря и председателя облизполкома, и отвечал на приветствия присутствующих в просторном кабинете.

– Как отдохнул, Укетай Серикбаевич? – с загадочной улыбкой спросил первый секретарь обкома партии.

– Спасибо, отдохнул в санатории хорошо, согласно предписанию, – ответил Уке и добавил: – У меня еще почти неделя отпуска. Хотел съездить в аул, подышать степью...

– Успеешь еще, – с улыбкой прервал его первый секретарь, а затем обратился к собравшимся: – Так, все присутствуют. Начнем...

Из краткого выступления первого выяснилось, что из-за незначительной неполадки самолет, летевший прямым рейсом «Дели – Москва», совершил вынужденную посадку в Актюбинске, где есть военный аэродром с техниками, мастерами своего дела. Однако в Актюбинске нет международного аэропорта, ближайший – в Ташкенте. Но неполадки произошли при подлете к Актюбинску. Сворачивать было уже поздно – пустая потеря драгоценного времени. А потому экстренно приземлили лайнер, следующий по международной трассе «Дели – Москва», именно в Актюбинске, ибо над этим городом и проходит эта самая трасса...

«Из-за этого только и вызвали меня из отпуска», – подумал удрученно Уке и взглянул в окно, за которым сама природа этих мест манила своими ландшафтами. Он вздохнул, продолжая безучастно слушать монотонную речь первого.

– ...таким образом, данный лайнер, запросив диспетчера, приземлился в нашем городе. Учитывая неординарность данного момента, наземные службы и органы, – здесь первый повернулся к начальнику областного КГБ, – ...и органы ведут переговоры с Москвой и Алма-Атой о допуске военных техников к исправлению неполадок на лайнере. В данное время вопрос решен положительно, но осмотр по ремонту неполадок займет несколько часов. И к вечеру лайнер должен вылететь к дальнейшему месту назначения, то есть в столицу нашей Родины – в Москву.

– А как же пассажиры? – спросил кто-то из присутствующих членов бюро обкома партии.

– Вот в том-то и дело, что пассажиры лайнера не имеют права покидать самолет, – веско ответил начальник областного КГБ. – По международному праву и конвенции, которая подписана нашей страной. И по закону Пограничной службы СССР.

– Да ладно вам, – весело махнул рукой первый. – Все уже согласовано с Москвой, и Алма-Ата подтвердила. В лайнере находится вице-премьер Индии и сопровождающие его лица. Человек пять. Вот и все пассажиры. А экипаж смешанный, наши и индийские летчики. Да и лайнер Ту-154, приобретенный в Советском Союзе, но оборудованный внутри душевой и ВИП-салонном, для правительственных перелетов. Вот такие дела...

– Так что, и заместителю премьера Индии нельзя покинуть самолет?

– Конечно, можно, – уклончиво ответил первый. – Только по статусу и протоколу его должен встречать заместитель председателя Совмина СССР или, в крайнем случае, заместитель председателя Совмина нашей республики. Москва и Алма-Ата сейчас решают этот вопрос. И даже если решат, то на их прилет уйдет часа два, что из Москвы, что из Алма-Аты. В свите вице-преьера есть

переводчик. Через него мы и общаемся. Так вот, переводчик передал, что высокое лицо не хочет нарушать протокол, регламент и конвенцию и дожидается, находясь в салоне, где есть все условия, включая кондиционер, когда исправят неполадки в лайнере. Но хотел бы провести все это время в общении с достойным представителем нашего города за игрой всех народов и стран. Так сказать, матч дружбы, индийско-советской.

– И что это за игра такая? Шахматы? Родина этой игры – Индия...

– Преферанс! И он на правах хозяина салона и, разумеется, вице-премьера любезно приглашает без протокола и регламента лучшего игрока вашего, то есть нашего города.

– А что? Из свиты никого нет, чтобы с ним сразиться?

– Видимо, нельзя именно по их протоколу, а если без этого самого протокола, то кто-то один есть, но ему нужен третий и именно из этих мест. Видите ли, матч, так сказать, дружбы... Вы как себя чувствуете, дорогой Уке? Вы, надеюсь, в форме. Тем более что после отпуска, – почти по-братски посмотрел на Укетая Серикбаевича первый секретарь обкома партии, завершив объяснение ситуации.

Реакция присутствующих на хлесткое слово «преферанс» была неоднозначной. Одни непонимающе улыбались, другие опускали голову, ухмыляясь чему-то, третьи чиркали что-то на листе бумаги, с ехидцей поглядывая на него, Укетая Байжомартова, негласного чемпиона области и города по преферансу.

«Ах, вот оно что! Меня, председателя народного контроля, на амбразуру, играть в матче дружбы “Индия – СССР”, по просьбе самого вице-премьера Индии», – сокрушенно подумал товарищ Укетай.

Тут до него донеслось:

– Устным решением бюро обкома партии вам, товарищ Байжомартов, поручается провести дружескую встречу вне регламента и протокола с главой индийской делегации, по просьбе индийской стороны. Хотя и устное решение бюро, но мы его запротоколируем. Единогласно?..

Все с веселым шумом подняли руки и закивали головами.

– Так, принято!

Уке обвел присутствующих взглядом. «Это их месть за постоянные проигрыши мне. Ну что ж! Предки, поддержите меня! Один мой родич из-за золотых пуговиц оказался на самом Дальнем Востоке в послевоенные годы и все равно вернулся человеком...»

– А как играть? – всплеснул руками Уке.

– Молча... Лишнего не говорить, только о дружбе наших народов.

– А как молча, если надо сказать «Семь играю» или «Девять». А если «Мизер»?

– Есть переводчик. Он и будет переводить. А мизер, он не только в Африке мизер, но и в Индии... Да, вот еще что. Мы тут наскребли долларов сто пятьдесят, что-то купили у алжирских летчиков, что стажируются в нашей летно-военной части, а что-то изъяли у барыг, – и первый красноречиво взглянул на начальника областного управления милиции. – Думаю, что вам, опытному игроку, хватит, чтобы не выиграть, но и, тем паче, ни в коем разе не проигрывать... А теперь разрешите вам представить вашего помощника, преподавателя истории местного педагогического института, который является членом Общества советско-индийской дружбы. Через него мы передадим кое-какие национальные сувениры

и, разумеется, чапан, который вы наденете на высокого гостя во время вашей встречи.

У подоконника сидел незнакомый человек в сером костюме. Он встал и поздоровался с Укетаем. «По осанке тянет на майора госбезопасности», – подумал чемпион преферанса области и города Актюбинска.

Уке своим математическим умом подсчитал, что при курсе доллара 56 копеек ему, может, и не хватит этой «зеленой капусты» на игру, тем более что неизвестно сколько часов займет устранение неполадок в самолете. Да еще неизвестно, по центу или по пять центов, а может быть, и по десять будет эта самая игра дружбы между народами. И поэтому он начал издалека:

– Дорогие товарищи! Я всю жизнь боролся за интересы нашего советского общества, стерег и стерегу народную собственность и веду строгий контроль в этом ответственном деле. Однако раз вы единогласно постановили, чтобы я встретился с высоким гостем из Индии, то я подчиняюсь вашему решению. Мне крайне неприятно брать эти иностранные деньги, доллары. И поэтому я прошу, чтобы мне разрешили взять под отчет наши советские деньги, рубли.

– И сколько вы хотите взять, Укетай Серикбаевич?

– Двести рублей! – веско ответил Уке, ибо в нем уже ожил бес расчетливого и заядлого игрока.

II

В салоне лайнера прохладно, иллюминаторы прикрыты белыми шторками, а неоновый свет ламп не бьет в глаза, а струится мерным спокойным фоном, обволакивая небольшой кабинет-гостиную, расположенный за кабиной экипажа.

Уке сидел напротив высокого гостя и обстоятельно рассказывал об истории города Актюбинска, перемежая свой рассказ легендами о былом этого региона. Он с гордостью поведал о том, что в этих местах погребен былинный батыр Кобланды, и что есть эпос-фольклор о подвигах этого батыра, и этот эпос насчитывает несколько тысяч поэтических строк, сложенных народом-сказителем. Этот эпос так и называется «Кобланды-батыр». О том, что в годы Гражданской войны здесь проходили бои за установление Советской власти, а в годы Великой Отечественной войны многие воинские части были сформированы также здесь, в Актюбинске. Отсюда родом и Герой Советского Союза славная Алия Молдагулова, и космонавт Виктор Пацаев родом отсюда...

Иногда Уке ловил на себе настороженные взгляды «преподавателя истории», так называемого члена Общества советско-индийской дружбы. Именно с ним он полчаса тому назад вошел в салон самолета и с торжественным видом поприветствовал высокого гостя на актюбинской земле, вручив ему, как полагается, чапан и сувениры.

Высокий гость с большим почтением принял из их рук национальные дары. А затем, бережно сняв чапан, передал его своим помощникам и любезно пригласил к столику, где вместе с индийским чаем были и всевозможные пряности из страны Великих Моголов.

– Намасте, Индия! – такие слова просил произнести его куратор и помощник из общества дружбы.

И Уке произнес эти два слова, божественно и одухотворенно сложив ладони друг к другу на уровне груди, и поклонился высокому гостю из Индии. И этот

особый жест, включающий в себя божественный смысл бытия из далеких времен санскрита, был сердечно принят высоким гостем и стал для них неким ключом взаимопонимания, который и привел к этой непринужденной беседе.

Гость внимательно слушал то, о чем говорил переводчик, с улыбкой согласнo и утвердительно кивал головой, и сам, в свою очередь, кратко и лаконично передавал через того же переводчика искренние слова дружбы и сотрудничества между Индией и СССР.

Уке подчеркнул, что народ Казахстана помнит о приезде Джавахарлала Неру и его дочери Индиры Ганди в Алма-Ату в 1955 году, и что в честь нынешнего премьера Индии Индиры Ганди многих казахских девочек называли Индирами.

После беседы за чаем Уке, как опытный игрок и психолог преферанса, вопро- сительно взглянул на переводчика: мол, протокол протоколом, но пора перейти к более насущным делам. И уклончиво спросил:

– Если есть какие-то пожелания или просьбы высокого гостя, то я полностью в его распоряжении.

Высокий гость, выслушав переведенную фразу, улыбнулся широко и распола- гающе и что-то сказал, приглашая Уке за соседний столик.

– Вы очень любезны, – объяснил переводчик. – Не могли бы составить компа- нию в преферансе, чтобы скоротать это время по устранению непредвиденных неполадок в самолете?

– С удовольствием, – Уке пересел за игральный столик. – Каковы ваши пра- вила игры?

Из краткого пересказа переводчика Уке понял, что будут играть втроем. Ставка десять центов...

«Пять-шесть копеек, – тут же среагировал Уке, переводя центы на рубли и копейки. – Нормально, можно сказать, по-нашему, по-актюрбински».

– Играть будете три партии, учитывая, что в игре участвуют три партнера, – объяснил переводчик.

«Ну это мы еще посмотрим, как карта пойдет», – мысленно ответил Уке, взглянув на третьего партнера, чиновника из свиты высокого гостя, который расчерчивал на плотном чистом листе пулюку на троих.

Уке еще с комсомольских времен постиг эту игру в преферанс. Обладая не- заурядным математическим умом, он с годами убедился, что азарт в этой умной и во многом зажигательной игре плохой сообщник. Наоборот, имея нескончае- мое множество вариантов при разном раскладе карт, игроку важно найти самый оптимальный, в нужный момент надеясь на интуицию и свой собственный опыт. Разумеется, он в юности проигрывал, и не раз. Но с годами, приобретая опыт этой увлекательной игры, он вдруг стал понимать, что все его прошлые проигрыши возвращаются ему же из кошельков других партнеров, которые в силу своей за- пальчивости азартны и неаккуратны в этой мудрой игре. И самое основное пра- вило, которое он вынес для себя за эти годы, – нужно иметь силу воли прекратить игру, если в проигрыше две партии подряд. Значит, не идет карта и – баста! Но слово «Баста!», как говорит поэт и ученый Олжас, имеет два противоположных значения, взаимоисключающие друг друга. Первое – чисто итальянское, что означает «Все – конец!» И второе – тюркское, казахское «Баста́!». То есть – «На- чинай!» «Ну здесь кому как, а я по-своему», – всегда подчеркивал в жизни и в мыслях Уке, негласный чемпион этой игры во всей округе.

Раздачу произвел чиновник из свиты высокого гостя, то есть третий партнер по игре. Очень уважительно – одну карту Уке, другую высокому гостю, а третью – себе. Уке взглянул на свои карты, можно играть и шесть, надеясь на прикуп, но на всякий случай вымолвил: «Пас!» Переводчик улыбнулся и не стал переводить этот международный возглас. Высокий гость произнес: «Уан!», что означало «Раз!» Чиновник отрицательно покачал головой. Высокий гость взял прикуп. С таким прикупом Уке мог бы сыграть и все семь, не то что шесть. Высокий гость объявил семь пик. Это Уке понял со слов переводчика. Чиновник пасанул, а Уке объявил вист и получил положенные в этом случае три взятки. Правда, за третью пришлось немного побороться, хотя она и не влияла особенно на исход этой семерной, но вист есть вист, и десять центов, то бишь пять с половиной копеек, на улице, а в данном случае в салоне лайнера, не валяются.

Так и потекла эта международная игра в салоне лайнера рейса «Дели – Москва».

Первая партия для него прошла в спокойном ключе. Из своего опыта он прекрасно знал, что за одну игру всегда наверняка можно сыграть две-три шестерных, две-три семерных, а все остальное, как Всевышнему угодно и каков сам расклад, отсюда и игра восемь или девять, а может, и все десять, которая не играет, а проверяется. И при предполагаемом мизере никогда не надо надеяться на прикуп. Только на свои карты и иногда, по интуиции, на расклад, но только не на прикуп.

Уке сыграл три семерных, две шестерных, одну семерную по раскладу неудачно, записав в гору недополученную взятку. Но с лихвой отыгрался на мизере, который и без прикупа почти вырисовывался в его картах.

Сыграв удачно мизер, Уке вопросительно взглянул на переводчика.

– Вообще-то мизер отмечается!

Переводчик подозвал стюарда и что-то ему сказал. Высокий гость через чиновника также сделал какие-то распоряжения. Стюард подкатил бар на колесиках и предложил всем спиртные напитки. Высокий гость предпочел бокал красного вина, а Уке и чиновник изъявили желание выпить виски.

– Айс? – вопросительно взглянул на Уке стюард.

Уке посмотрел на чиновника, который положил два кусочка льда из отдельной стеклянной чаши, затем на свой стакан, в котором плескалась граммов на двадцать пять рыжая жидкость виски, а затем вновь повернулся к переводчику:

– А можно удвоить эту порцию?

– Дабл, – переводчик передал стюарду, и тот стал медленно доливать в стакан Уке.

Высокий гость понимающе улыбнулся и протянул свой бокал с вином...

Игра была продолжена. Уке первый завершил свою часть игры и стал помогать партнерам, то есть, как принято говорить, стал вносить «американскую помощь»: закрывая их часть игры, в десятикратном размере записывал свой вист.

Уке старался не помогать высокому гостю, предоставляя ему самому довести партию до конца, но полностью отыгрывался на чиновнике, когда осталась только его часть игры.

Первую партию выиграли высокий гость и Уке. Уке на долларов двадцать – двадцать пять больше, чем высокий гость. Он убедился, что для высокого гостя важен не результат игры, а сам процесс, когда из ряда мастей карт выстраивается

некая композиция – добротные семь или даже девять червей или пикей, а также хорошая серия вистов, если играет соперник. Уке видел в этом поведении высокого гостя своего единомышленника по всей колоде игры в преферанс.

Чиновник безнадежно проиграл. «За Васю держат, – подумал о чиновнике Уке. – А может, по их протоколу ему, чиновнику, и не положено выигрывать. Но им виднее, а я исполняю в полном объеме решение бюро обкома партии».

Вторая партия закончилась почти так же, как и первая. Выиграл Уке намного больше, чем высокий гость, который проиграл, но на меньшую сумму, чем выиграл в первой партии. Математический ум Уке все подсчитывал, держал всю пульку в поле своего зрения.

А в третьей партии, после двух победных, Уке рискнул. Имея в целом мизерный ряд, за исключением семь и десять в одной из мастей, он объявил мизер. Надо отметить, что семь и десять, независимо от того, чей ход, гораздо опаснее, чем восемь без семерки. Но Уке рискнул, ибо он имел уже за спиной две выигрышные партии, – точнее, он заведомо решил проиграть в третьей партии, чтобы у высокого гостя осталось хорошее настроение от встречи – от этого матча дружбы. Прикуп ясности не внес, риск оставался прежним. Да и не надеялся Уке на прикуп. Все должен решить расклад карт.

Когда Уке сделал снос, то есть выбросил две ненужные карты из двенадцати и оставил только десять, но, по логике, самых нужных, его партнеры, высокий гость и его чиновник, раскрыли свои карты и стали сосредоточенно подсчитывать, переговариваясь то на хинди, то отрывисто по-английски.

Переводчик вежливо спросил:

– Вам переводить?

– А зачем?! Все и так видно по раскладу карт, – удрученно ответил Уке, следя за карточным дуэтом партнеров.

Высокий гость оценивающе оглядел расклад. Улыбнулся и взглянул на Уке. Уке также в ответ улыбнулся и вежливо кивнул головой. По логике и хрестоматии карточной игры – мизер ловился. По всем законам жанра этой игры Уке понял, как собирается ловить его мизер высокий гость. Ловилась именно его десятка – та, что одной масти с семеркой. Но чтобы поймать эту десятку, надо избавиться от соответствующих крупных мастей чиновника, чтобы, имея восемь и девять на руках, высокий гость наверняка смог бы поймать десятку Уке. И высокий гость стал выстраивать свою комбинацию ловли мизера. Уке согласно кивал головой, избавляясь от неловленных карт.

Когда у всех осталось по четыре карты, когда выпали у чиновника все крупные масти, когда у высокого гостя, наряду с другими картами, остались восемь и девять, он изучающе взглянул на Уке. Уке выдержал его взгляд и как бы сокрушенно вздохнул.

Высокий гость пошел с девятки и вновь взглянул на представителя славного города Актюбинска.

Уке долго, очень долго не решался – бить или не бить эту карту, злополучную девятку. Если бить, то это только одна взятка. А если не бить, а отдать на съедение девятки семерку, то по всем законам карточного жанра три оставшиеся карты будут его, Уке, негласного чемпиона этих мест, где совершил вынужденную посадку лайнер «Дели – Москва». И вот он, признанный игрок по ту и эту сторону Эмбы, Уке Серикбай-улы, совершает вынужденную посадку на мизере

с тремя взятками. А это значит, что полностью проиграна третья, заключительная партия. Стыд и позор региону, который на самом бюро обкома выбрал его, Укетая Байжомартова, отстаивать честь города и области в этом матче дружбы между Индией и СССР!

Долго думал Уке. И, наконец, пошел на решающий шаг. Он отдал свою семерку девятке высокого гостя. Все онемели и уставились на него, Уке. Уке еще раз вздохнул и отвернулся от игрального столика, глядя на белый проем иллюминатора, за которым расстилалась бескрайняя актюбинская степь.

Высокий гость оглядел всех из своей свиты, как бы спрашивая, нет ли возражений, аккуратно положил на игровой столик восьмерку, которую по игровой логике обязан был взять Уке своей оставшейся десяткой.

Логика логикой, однако есть еще антилогика, которая нет-нет да присутствует в этой мудрой игре – преферансе.

Уке с невозмутимым спокойствием положил на восьмерку десятку. Десятка, да не та, совсем другой масти. А десятка ловленной масти давно уже, с самого начала мизера, покоилась в прикупе, куда ее упрятал Уке, действуя по самой что ни есть антилогике своей манеры игры.

В салоне самолета несколько мгновений стояла изумленная тишина. И, наконец, эту тишину нарушил голос, чуть с хрипотцой, улыбающегося Уке:

– Давно я не пил из вашего коржуна!..

И раздался смех и возгласы всех собравшихся на этом незабываемом матче дружбы. Стюард разлил вино и виски по бокалам и стаканам.

– А можно дважды «дабл»? – решил Уке после этой победоносной партии.

– Ту дабл, – попросил стюарда переводчик.

Стюард улыбнулся и налил больше половины хрустального стакана.

Тост произнес высокий гость. Находясь все еще под впечатлением виртуозной игры Уке, он поблагодарил всех за хорошо проведенное время и персонально Укетая Серикбаевича за искрометную игру в третьей партии и пожелал всем крепкого здоровья, дальнейших успехов во имя дружбы двух великих стран – Индии и СССР.

Уке в ответном слове был красноречив, находясь в зените славы победителя этого международного матча. Он подчеркнул, что главное, разумеется, не результат, но участие, а поэтому хотел бы оставить причитающуюся часть выигрыша на благо этой самой дружбы и взаимопонимания.

Член Общества индийско-советской дружбы утвердительно закивал головой, полностью поддерживая Уке. Однако высокий гость был категорически против и объяснил через переводчика, что каждый труд должен быть оплачен, и что четыре часа, за которые было сыграно три партии, это почти половина рабочего дня. И потому выигрыш – это гонорар столь искусному игроку, каким является представитель этих мест, то есть всеми уважаемый Уке...

В этот момент вошел командир экипажа и доложил, что лайнер в полной исправности и готов продолжить полет до Москвы.

Высокий гость поблагодарил командира экипажа и что-то сказал кому-то из свиты. А затем, повернувшись к Уке, с мягкой улыбкой попросил сесть его за игровой столик.

– Сейчас по итогам трех партий будет произведен подсчет, – произнес переводчик.

Уке сам уже в уме подсчитал, что его выигрыш составил где-то 160 долларов и пятьдесят центов. Не в проигрыше был и высокий гость, а вот чиновник с удручающим видом сидел, вздохматив свои черные, как смоль, волосы.

«Цент к центу, а доллар к доллару», – подумал Уке. Выигрыш был почти той же суммы, что и его наличные в долларах. Но как быть с указанием первого, чтобы не проигрывать, но и не выигрывать. Он наполовину выполнил это указание бюро обкома, то есть не проиграл. А как быть с выигрышем?! И здесь его осенило.

– Дорогие высокие гости, дорогие друзья нашей страны! – Уке слегка кашлянул и продолжил: – Вы летите в столицу нашей Родины – Москву! У нас, в Степи, принято не отпускать дорогих гостей без подарков. Потому мы и подарили вам свой национальный чапан в качестве дара нашей земли. Наш третий партнер также летит в составе вашей делегации в Москву, он еще молод. И я на правах представителя этого региона хочу передать от себя лично кое-что, чтобы он приобрел в Москве все, что ему по душе...

Уке едва заметным жестом положил в боковой карман летнего пиджака третьего партнера сторублевую купюру.

Чиновник испуганно замахал руками, пытаясь избавиться от этого дара Уке. И вдруг мудрый высокий гость одной фразой остановил его и, одобрительно кивая головой, произнес несколько фраз, которые тут же пересказал переводчик.

– Раз так принято в вашей стране, мы признательны вам... А это примите от нашей делегации.

В большую плетеную корзину были уложены индийские пряности, чай в разноцветной металлической коробке, различные сувениры, сандаловые палочки и большая коробка виски «Blue Scotch Whisky». Все это было прикрыто индийской гирляндой. Такую же корзинку, но поменьше размером дали и «преподавателю истории», члену Общества индийско-советской дружбы.

– Вы все мудро решили, прямо по легенде, – поблагодарил его куратор, и они покинули салон, направляясь в сторону аэропорта, в депутатскую комнату, где их ожидали все члены бюро обкома во главе с первым секретарем.

III

Степной ветерок обдувал лицо, когда он выехал за город. Где-то там, далеко за городом, был небольшой аул, отделение совхоза на берегу Илека, где он любил бывать. Там жили его близкие друзья, даже не родственники, просто друзья еще с тех, комсомольских времен. Вот к ним он и ехал после честно выполненного долга, блестяще исполнив устное решение бюро обкома...

В депутатской комнате его вместе с куратором ждали. Был и первый, и другие члены бюро обкома. На молчаливый вопрос-взгляд первого он кратко доложил, что не выиграл и не проиграл. Вернее, выиграл, но вернул, опосредованным порядком. И вернул все до копейки и до цента, согласно курсу Центрального банка СССР. Начальник областного КГБ попросил здесь же, в депутатской, написать отчет, что он и сделал, а его куратор своей подписью подтвердил им написанное. Однако все ждали подробностей от первого лица, то есть от него самого. Но он устало отшучивался. И когда лайнер наконец-то взлетел и взял верный курс на Москву, первый обнял его и сердечно сказал:

– Спасибо, дорогой Укетай Серикбаевич! Езжай догуливай свой отпуск.

А он показал на корзинку: мол, что с этим делать?

– Забирай, это твой честно заработанный гонорар, – похлопал его по плечу первый.

– Это я уже слышал там, в салоне, – рассмеялся Укетай.

Уке, покидая депутатскую, успел сказать двум-трем своим закадычным партнерам, что завтра суббота, и он их ждет в таком-то месте, на берегу Илека. Там все им и расскажет...

Машина вырвалась на степной простор. Пахло сочной травой и еще чем-то необъяснимым, когда ты находишься один в степном мире, и в душе вновь рождается песня родимых мест. Завтра приедут его друзья, он, как всегда, угостит их свежей бараниной, расскажет все в красках и в лицах о том, что было в самолете рейса «Дели – Москва». Разумеется, что-то и приукрасит. Не без этого. И про этот шальной мизер, про прикуп и снос. Так хулиганить с мизером он начал еще с комсомольских времен. И почти всегда ему это удавалось, особенно когда шла масть. Одним словом, интуиция и антилогика... И, разумеется, выдержка и хладнокровие. А затем на берегу Илека распишут они очередную пулю. И он вновь покажет мастер-класс. А после хорошо проведенного воскресенья вновь начнутся будни, без которых нет ни отпуска, ни выходных.

Степной ветер веял над этим простором, выдувая из памяти пряные запахи заморской страны. А высоко в небе малой белой птичкой летел лайнер, оставляя свой реактивный шлейф по всему актюбинскому небу, и только легкий звук двигателя доносился до этой степной земли, до этого города на белых холмах, объединяя все сущее в невидимую сферу бытия.

